
РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Максимов К. Н. Рец. на: *Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»* – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.

Maksimov K. N. Review on: *Essays on the history and culture of the Southern Russia Cossacks: collective monograph. Edited by G. G. Matishov, I. O. Tyumentsev; Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Volgograd branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”* – Volgograd, FSBEI HPE "the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". Publ., 2014. 624 p.

Опыт нашего времени «возрождения казачества» диктует настоятельную необходимость изучения истории и осмысления культурной модели казачьих сообществ на различных этапах их развития в крупном геополитическом пространстве, каковым является Юг России. Казачество в этом регионе, являясь активной и надежной военной, социально-политической силой и опорой, сыграло огромную роль в обустройстве южных рубежей государства, а его менталитет, толерантность способствовали здесь интеграции народов разных национальностей и разных конфессий.

Рецензируемое издание, осуществленное под руководством академика Г. Г. Матишова и профессора И. О. Тюменцева, посвящено проблемам истории и традиционной культуры казачества Юга России. В его очерках, объединенных общей темой, рассматриваются наиболее актуальные вопросы формирования казачьих сообществ на Дону, Тереке, Кубани и Нижней Волге, а также история развития их культуры в контексте социокультурных трансформаций, которым подверглось казачество на протяжении всей своей истории. В книге особое внимание уделено участию казаков в защите южных рубежей, безопасности и интересов России. Издание представляет коллективный труд ведущих специалистов Юга России, занимающихся исследованием ключевых проблем казачества региона. Оно является продолжением серий фундаментальных работ по казачьей проблематике, изданных Южным научным центром [Дон-

ские казаки 2013; Казачество Юга России 2006, 2008, 2010].

В данной работе известные ученые Юга России, опираясь на труды предшественников, обобщили научные итоги своих исследований в области казачьей истории и культуры за последние тридцать лет. Ценность ее заключается в том, что она изложена в виде жанра очерков, позволяющего определить наиболее актуальные темы казачьей истории и культуры в их взаимосвязи и развитии. В связи с этим структура коллективной монографии состоит из двух частей: первая посвящена проблемам истории, вторая — традиционной культуре казачества Дона, Терека, Кубани и Нижней Волги.

В статье «Формирование казачьих сообществ на Дону» профессор Н. А. Мининков в отличие от других авторов первого очерка «Вольное и служилое казачество Юга России в XV–XVII вв.» обстоятельно проанализировал историографию проблемы происхождения казачества. Рассмотрев основные версии и гипотезы о времени и субъекте происхождения (о кавказском, русском и др.), отраженные в историографии XVII–XVIII веков, XIX – начала XX вв., эмигрантской, советской, зарубежной, он выделил три концепции возникновения казачества: в эпоху Позднего Средневековья от населения Московского государства; Раннего Средневековья от черкесов и в этот же период от русских. Все же автор, на мой взгляд, правильно отмечает, что “по проблеме происхождения казачества остаются не вполне ясными не-

которые вопросы, которые в перспективе могут стать объектом исторического исследования” [Очерки истории и культуры казачества 2014: 18].

Автор на основании весьма авторитетных источников, подкрепляя имеющимися мнениями в литературе, отмечает, что нахождение русского населения на Дону прослеживается еще в период княжения Святослава (вторая половина X века), а формирование казачьих сообществ на Дону берет свое начало с конца XV – начала XVI вв. Объединительный процесс донского казачества в единое Войско Донское завершился во втором десятилетии XVII в. Войско Донское, с его точки зрения (атаман Корнилий Яковлев и его сподвижник Михайло Самаренин от имени казаков), присягнув на Кругу в августе 1671 года на верность царю Алексею Михайловичу, полностью закрепились в составе Российского государства на принципах внутреннего самоопределения. С этого времени оно лишилось статуса субъекта международного права, но, как отмечает Н. А. Мининков, у него сохранялось право сношений с калмыками. Но здесь следует добавить, что это “сношение” было необходимо “для того, чтобы они, калмыки, по-прежнему с нами, атаманы и казаки, царскому величеству служили”. В это время Калмыцкое ханство, добровольно вошедшее в состав России, являлось ее субъектом в том же статусе, что и Войско Донское. Поэтому не случайно между ними установился прочный военный союз в борьбе за упрочение южных рубежей, защиту безопасности и интересов России.

В статьях этого же очерка профессор С. А. Голованова («Гребенские и терские казаки (вторая половина XVI–XVII вв.)») и доцент Е. В. Кусаинова («Вольное и служилое казачество в Поволжье в XVI–XVII вв.»), изучив источники и проанализировав историографию, пришли к выводу, что известия о нахождении вольных казаков на Тереке и Волге относятся к середине XVI века. Однако С. А. Голованова справедливо отмечает, что “до настоящего времени остаются спорными вопросы не только о времени появления казачества на Тереке, но и территории первоначального поселения, а также степени самостоятельности гребенских и терских казаков” [Очерки истории и культуры казачества 2014: 27]. Здесь же она, рассматривая географический фактор в самоназвании “гребенских казаков”, пред-

полагает, что с выходом России на берега Терека и соприкосновением с вольными казаками (гребенскими и низовыми терскими) они были восприняты как единое целое и стали упоминаться под общим названием – терские казаки.

В связи с отсутствием проблем в вопросах появления и расселения казаков на Волге Е. В. Кусаинова большую часть своей статьи посвятила взаимоотношению волжских казаков (выходцев из Дона) с соседними народами, участием их совместно с донскими казаками в упрочении южных и юго-восточных границ Руси, в борьбе с Турцией, Крымским ханством, ногайскими улусами, освоении Поволжья. Она, опираясь на работу А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.; Л., 1948), уделила внимание также взаимоотношению донских казаков с калмыками (Калмыцким ханством). В этом вопросе, как мне представляется, следовало бы учесть то время, когда эта книга была написана и издана. В это время калмыки были репрессированы и депортированы, история народа подвергалась деформации. Поэтому опус А. А. Новосельского, приписывающий калмыцкому народу агрессивный характер, не лишен идеологического налета того времени. Основная причина в сложившихся сложных взаимоотношениях между казаками и калмыками в конце 70-х годов XVII столетия заключалась в укрывательстве и отказе казаков возвращать в ханство беглых калмыков на Дон. Профессор Н. Н. Пальмов писал: “Беглые калмыки находили покровительство у казачества, и на этой почве больше происходили крупные столкновения Аюки с казаками” [Пальмов 2007: 216].

Хотя царская администрация противоречия между калмыками и казаками считала “мимошедшими ссорами”, все же в напряженной обстановке на юге страны ей пришлось вмешаться и приступить к улаживанию их взаимоотношений. По поручению царя Посольский приказ, в ведении которого с 1623 г. находилось Войско Донское, настойчиво предложил князю К. М. Черкасскому и стольнику К. Козлову, руководству Дона (с грамотой был послан Иван Маслов) примирить калмыков с донцами, убедить казаков, чтобы они “с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили”. Вслед за этим же последовал 31 июля 1677 г. строгий царский указ, адресованный

донским казакам, “о принятии мер на прекращение своевольных нападений со стороны казаков на калмыков и о том, чтобы казаки жили с последними в мире и совете”, поскольку калмыки “у нас, великого государя, в вечном подданстве” [Акты 1891: 97–98].

Не совсем понятно утверждение Е. В. Кусаиновой о том, что хан Аюка в 1678 г. отказал князю К. М. Черкасскому участвовать в походе на Крым. Между тем известно, что в августе 1678 г. на Чигиринских высотах калмыцкие отряды в количестве 5 тыс. человек воевали в составе армии под командованием князя К. М. Черкасского. Украинский гетман И. Самойлович, описывая ход военных действий под крепостью, отмечал: “Князь Каспулат Муцалович Черкасский... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и за то достойный суть похвалы” [Броневский 1834: 194].

Вызывает большое сомнение утверждение данного автора о том, что хан Аюка отказался участвовать в походе, поскольку он в апреле 1678 г. отправил своих послов в Азов для заключения мира и дал аманатов. Шертная запись, данная 15 января 1677 г. ханом Аюкой и тайшой Замсой царю Федору Алексеевичу, внесла принципиальные изменения в статус Калмыцкого ханства. Впервые хан лично дал клятву “быть под Самодержавною и Государскою высокою рукою в вечном подданстве, навеки неотступным”. В соответствии с данным положением, в шертной записи фиксировалось, что Калмыкия вступает в “совершенное повиновение Российской державе” и ее правитель будет “грамоты принимать встав и сняв шапку, с великою честью”, а также “Его Государское повеление во всем исполнять” [ПСЗРИ: 80, 81, 84].

Кроме того, этим правовым документом существенно ограничивались внешнеполитические связи Калмыкии, вводился строгий контроль за ее внешними сношениями. Отныне правитель ханства обязан был докладывать российскому царю о чужеземных послахах, посланниках, посредниках, прибывающих к нему, о содержании полученных писем, посланий и “безо всякого мотчанья... те присланные письма посылать к Великому Государю”, а послов “отпускать их и листы писать с Его Государского повеления” [ПСЗРИ: 82]. Так что навряд ли при таких условиях калмыки мог-

ли заключить союз с азовцами и ногайцами и вместе с ними, как пишет Е. В. Кусаинова, участвовать в нападении на русские земли. Между тем В. Б. Броневский отмечал, что в военных баталиях русско-турецкой войны (1677–1681 гг.) активно действовали значительные силы калмыцких конников.

Первый очерк завершается статьей профессора И. О. Тюменцева, где анализируется участие казачества в событиях Смутного времени в России в 1604–1619 гг. Автор, являясь крупным специалистом по этой проблематике [Тюменцев 2008], основательно и убедительно показал важную роль вольного казачьего войска в деле спасения страны от захвата ее иноземцами, возведении Михаила Романова на царский престол, восстановлении российской государственности.

Второй очерк «Казачество Юга России в XVIII – первой половине XIX в.» начинается статьей (“Донское казачье войско в XVIII – первой половине XIX в.”) профессора А. И. Агафонова, известного казаковеда. Автор, положив в основу структуры статьи предметно-тематический признак, дал подробные сведения о территории, численности, социальном и этноконфессиональном составе населения Дона, хозяйственной его деятельности. Проблемы организации управления и военной службы донских казаков им рассмотрены в контексте процесса создания и укрепления в России абсолютной монархии, централизации власти. Сделаны вполне основательные выводы, что в результате поэтапных административных и военных реформ, реорганизации церковного управления, проведенных на Дону, Войско Донское было постепенно интегрировано в единоподчиняемую систему Российского государства.

Однако один штрих, выделенный автором в выводе статьи о том, что “со времени возникновения донское казачество постоянно подвергалось нападением... калмыков” [Очерки истории и культуры казачества 2010: 95], не совсем соответствует истине. Во-первых, калмыки, как известно, появились в низовьях Волги лишь в 30-х годах XVII столетия, а в 40-х установились первые контакты с донскими казаками. Во-вторых, во всех войнах XVIII – первой половины XIX в., которые пришлось вести России, вместе с казаками принимали участие и калмыки [Максимов, Очиров 2012].

В статьях докторов исторических наук Д. В. Сень и Н. Н. Великой, историков

Б. Е. Фролова, В. А. Колесникова, А. В. Курешева и И. В. Торопицына, вошедших в этот же очерк, освещена история появления казачества на Кубани и Кубанского (ханского) казачьего войска, интеграции терского казачества в общее правовое, административное и экономическое пространство России, формирования и боевых действий Черноморского казачьего войска, Кавказского линейного казачьего войска и Волжского казачьего войска. Заслуживают интерес сведения И. В. Торопицына о службе крещеных калмыков с астраханскими казаками, о тесном общении волжских казаков и калмыков.

В третьем очерке освещается история казачества Юга России в период реформ второй половины XIX – начала XX в., когда происходил процесс трансформации в хозяйственной, социальной структуре, общественно-политической жизни казачества, а также активной его интеграции в социально-экономическое, военное и правовое пространство Российского государства. При рассмотрении военной службы донских казаков, А. А. Волвенко, на мой взгляд, следовало бы отметить участие 4-й Донской казачьей дивизии (командующий — генерал-майор М. Н. Телешов) и 3-го Донского артиллерийского дивизиона (командир — полковник Н. М. Кузнецов) в Русско-японской войне, в смотре и проходах их на Дальний Восток принимал участие император Николай II.

Известный специалист по истории Астраханского казачьего войска, И. В. Торопицын почему-то не упомянул вхождение астраханских калмыков в состав казачества, официальное оформление которого состоялось на съезде Большого войскового круга Астраханского казачьего войска в сентябре 1917 г. Это событие астраханским атаманом генералом И. А. Бирюковым было воспринято положительно. В заключительной речи им было сказано: “С калмыками нам не впервой служить плечом к плечу. Мы 50 лет служили вместе на охранных постах, начиная с Гурьева на Ахтубе и Волге и кончая Узенями. Теперь калмыки вновь хотят объединиться в службе на благо родины с казаками, и нам ли их отталкивать?” [Очиров 2006: 176].

В очерке «Революции и Гражданская война в судьбах казачества Юга России» участие казаков в Первой мировой войне показано обзорно, с опорой в основном на

имеющиеся исследования. Учитывая привлечение в этой войне мирового масштаба значительных сил военных частей казачества, а также наличие документальных источников в архивах, составителям данного издания, может быть, необходимо было каждое казачье войско выделить в отдельную статью. Имеющиеся документальные источники свидетельствуют, что только в течение 1914–1916 гг. Георгиевскими кавалерами стал 181 донской казачий офицер. Донские казаки заслужили 40375 Георгиевских крестов и медалей, в том числе калмыки-казаки – 1100 таких же знаков воинской доблести [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30].

В этом же очерке помещены статьи профессоров В. П. Трута и А. В. Венкова — достаточно основательные, дающие полное представление о позиции, месте и роли казачества в годы революционных событий и Гражданской войны. Казачьи регионы Юга России, превратившись в период Гражданской войны, как отмечают авторы, в обширный оплот для всероссийского антисоветского движения, вступив на путь борьбы с большевиками, потерпели поражение, означившее переломный момент в их истории. Историк О. В. Рвачева убедительно показала, что итог этой борьбы привел не только к физическим и политическим репрессиям и к уничтожению казачества как сословного института, но и к утрате основных элементов, обеспечивавших особое существование казачества в системе российской государственности.

Говоря о роли донского атамана Н. П. Краснова в истории казачества Дона в период Гражданской войны, профессор А. В. Венков отмечает, что “сам Краснов немцев союзниками не считал”. Между тем в литературе бытует иное мнение. В. Г. Гнеушев в своем художественно-документальном повествовании «Полынная слава» (М., 1998), опираясь на протоколы допроса Н. П. Краснова на Лубянке, на его переписку, пишет: “Ошибка генерала, приведшая его впоследствии к трагедии, заключалась в том, что изначально он ориентировался на сотрудничество с Германией”. Далее автор цитирует из протокола допроса Краснова: “Я учитывал, что успешная борьба против большевиков может вестись только при активной помощи со стороны Германии [Гнеушев 1998: 253, 265].

В начале пятого очерка профессор А. П. Скорик проанализировал политику

советской власти в отношении казачества в период социалистической модернизации, где главное внимание обращено на сложную проблему расказачивания. Автор, оценивая социально-дифференцированную позицию большевиков в отношении к казачеству, приходит к выводу, что руководство советского государства придерживалось линии на интеграцию казаков в советское общество путем их вовлечения в хозяйственную деятельность, на военную службу. Рассматривая проблему коллективизации, он правомерно утверждает, что коллективизацию и раскулачивание, в основе которой лежал классовый подход, невозможно отождествлять с расказачиванием. Коллективизация, по его утверждению, не уничтожила казачество, не стерла его культуру, традиции, ментальность.

Завершая статью анализом кампании большевиков «за советское казачество», проводившейся на принципах социально-классового подхода во второй половине 1930-х гг., автор рассмотрел ее как один из этапов в реализации тактического курса советской власти по отношению к казачеству. Он пришел к заключению, что она сыграла положительную роль в признании казаков как особой группы, имеющей свои бытовые и культурные традиции, в составе колхозного крестьянства, а также в использовании в интересах безопасности страны военно-хозяйственного потенциала казачьих обществ.

В статье «Казачество Юга России в годы Второй мировой войны» этого же очерка доктор исторических наук Е. Ф. Кринко, крупный специалист по истории Великой Отечественной войны, раскрыл эволюцию советской политики в отношении казачества накануне войны и в военные годы. Рассматривая ее как новый политический курс, рассчитанный на использование военного потенциала казачества, автор убедительно показал существенный вклад казачьих частей и соединений в общую победу над фашистской Германией на примере боевых действий. Казаки призывались и добровольно шли на фронт, воевали в составе не только казачьих формирований, но и в частях других родов советских войск.

Некоторая часть казачества, особенно находившаяся в эмиграции, нападение Германии восприняла как возможность использования для продолжения гражданской войны, борьбы с большевизмом. Эти траги-

ческие страницы в истории казачества автор не обошел, объективно показав участие казаков, оказавшихся в силу различных обстоятельств в рядах коллаборационистов, на стороне противника. Представители казачества, воевавшие в годы Великой Отечественной войны и на той, и на другой стороне, конечно, были несоизмеримыми величинами. Е. Ф. Кринко пишет, что в годы войны сражались более 70 казачьих частей и соединений, многие из которых стали гвардейскими.

В статье профессора А. Г. Масалова подняты вопросы восстановления в современных условиях социально-политического статуса казачества, утраченного в годы Гражданской войны и советской власти. В связи с этим им проанализировано начавшееся еще в 1980-х годах в различных формах (землячеств, исторических и т. д.) движение, способствовавшее переходу к следующему этапу — формированию общероссийской системы казачьих обществ, законодательному признанию репрессий в отношении казачества, проведенных советским государством. Новое движение за возрождение казачества на правовой основе привело к включению «реестровых» казачьих обществ в государственный механизм. Однако автор констатирует, что привлечение казаков к государственной службе прекратилось, а его результаты не получили широкого распространения и внедрения. Отсутствие единой программы возрождения казачества, отмечает профессор, процесс реконструкции казачьей социальной общности осуществляется по отдельным идентификационным признакам.

В связи с этим представляется правомерным вопрос, поставленный в названии статьи доцента О. В. Рвачевой, — «Казачество в XXI в.: возрождение традиций или конструирование нового феномена?». Этот вопрос, по всей вероятности, возник у автора, потому что «движение за возрождение казачества создавало ситуацию активного призыва прошлого и его реконструкцию, и это же становилось практически неразрешимой проблемой казачьего возрождения». Ольга Владимировна, рассматривая проблемы восстановления среды обитания казачьих сообществ, в первую очередь уделила внимание вопросу территориальной реабилитации. Здесь же она объективно отмечает, что, несмотря на имеющуюся правовую основу (Закон РСФСР 1991 г. «О ре-

абилитации репрессированных народов»), «возвращение репрессированным народам мест их традиционного проживания, восстановление территориальной целостности, а также национально-государственных образований с самого начала являлось одним из самых труднореализуемых положений закона, имеющих к тому же сильный конфликтный потенциал». Тем более что советская власть, борясь с казачеством как с контрреволюционной силой, перекроила территории казачества Юга России еще в 1920-е годы. Следует отметить, что в 1920 г. не все калмыки-казаки Дона переселились в Калмыцкую автономную область. В 1930 г. для постоянно проживающих калмыков в Ростовской области был образован национальный район — Калмыцкий, который был упразднен в начале 1944 г. после насильственной депортации калмыков. Однако О. В. Рвачева права в том, что казачье возрождение, начавшееся в Республике Калмыкия в 1990 г., происходило не на территории традиционного проживания калмыков-казаков.

Вполне можно согласиться с автором, что легитимация традиционного казачьего самоуправления является практически неразрешимой проблемой. Конституция РФ (статьи 12, 130–133) определила принципы организации и деятельности органов самоуправления на территории страны. Однако она допускает возможность осуществления местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций. В этих пределах, как мне представляется, ныне происходит реконструкция внешних атрибутов традиционного казачьего самоуправления.

Автор, обстоятельно проанализировав процесс попытки восстановления специфичной формы казачьего землевладения и землепользования, пришел к объективному выводу, что в современных экономических условиях хозяйственная деятельность казачьих обществ принимает новые формы, не соответствующие традиционной системе хозяйствования.

Убедителен также вывод автора о том, что воссоздать формы организации казачьей военной службы в изменившихся условиях вооруженных сил и их структуры не представляется возможным. Другой вопрос — возрождение в военной традиции казачества таких качеств, как патриотизм, высокая дисциплина, мужество, ответственность, инициатива, дружба и т. д.

Авторами второй части «Традиционная культура казачества Юга России» являются известные специалисты по традиционной культуре казаков. В их работах широко использованы не только архивные, но и полевые материалы, собранные лично ими в ходе экспедиционных изучений. Тем самым им удалось представить традиционную культуру казачества в развитии, с учетом тех коренных социокультурных трансформаций, которым подверглось казачество на протяжении всей его истории: от самого зарождения первых казачьих сообществ на Юге России до сегодняшнего дня. Однако авторы, за исключением И. В. Торопицына, не уделили внимание этноконфессиональным группам в составе казачьих сообществ Юга России. Между тем в области Войска Донского в начале XX в. проживало более 30 тыс. калмыков-казаков, отличавшихся бытом и культурой, исповедовавших буддийскую религию, официально признанную и поддерживаемую властями Дона. В калмыцких станицах Сальского округа действовали хурулы (церкви) со своим штатом священнослужителей, освобожденных от несения военной службы.

В целом рецензируемая книга представляет собой уникальный труд по истории казачьих сообществ Юга России. Коллектив авторов, крупные специалисты-казаковеды впервые проанализировали итоги научных разработок в области казачьей истории и культуры за последние тридцать лет, обобщили актуальные знания, полученные их предшественниками, а также результаты собственных исследований. Хотя в статьях очерков имеются повторы, противоречия, различные позиции в освещении тех или иных вопросов истории казачества, коллективная монография является существенным вкладом в изучение проблем казачьей истории и культуры. Ценность данного труда заключается в том, что его авторы не только внесли отдельные коррективы и уточнения в сложившиеся представления о прошлом казачества Юга России, но и наметили перспективные направления научных поисков, которые будут способствовать дальнейшему продвижению в изучении казачьей истории и культуры.

Литература

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 97–98.

- Броневский В. Б.* История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных вод. Ч. 1. СПб., 1834. С. 194.
- Гнеушев В. Г.* Полынная слава. М., 1998. С. 253, 265.
- Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII – XX вв.): заметки на полях истории / Г. Г. Матишов; Рос. акад. наук, Южный научный центр. Ростов-на-Дону, 2013.
- Казачество Юга России: прошлое и настоящее. Вып. 1–3. Ростов-на-Дону, 2006, 2008, 2010.
- Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
- Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография. Волгоград, 2014. С. 18.
- Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006. С. 176.
- Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 216.
- Полный свод законов Российской империи. Т. 2, № 672. С. 80, 81, 84.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30.
- Тюменцев И. О.* Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008.